
Вероника
Гао
Журавлиный
след

СЛОВАРЬ ГРАЖДАН ТОЙ СТОРОНЫ

Блудячие огоньки (блудники) — волшебные болотные огоньки, которые могут и завести на болото, и вывести из леса. Все зависит от их настроения.

Боровички — лесные духи в виде грибов. Заводят людей вглубь леса, а иногда выводят. Зависит от настроения.

Вила — существо славянской мифологии в виде прекрасной девы с крыльями и копытцами. Обитает у рек, озер, лесов и гор.

Дагон Дагонович — в поздних русских сказках так нарекали водного царя, чьим детям не было числа.

Дикий Кур — персонаж поздних русских сказок. Волшебное лесное существо в облике гигантского петуха. Любит вежливых людей, которые предлагают ему первому угоститься, выпить или присесть. Также умеет нести яйца. Предположительно, Диким Куром может стать любой петух, достигший определенного возраста или же оказавшийся под действием чар. Дикий Кур упоминается в сказках Алексея Толстого.

Дрёма — в славянской мифологии дух-сонник в виде старушки или старичка, который навевает сон колыбельными песнями. Это существо относится к домовым духам.

Жердяй — крайне высокое, тонкое и бледное существо из славянской мифологии. По некоторым легендам, нечто вроде духа погибшего от голода человека, который развлекается подглядыванием в окна за обжорами. Обитает преимущественно в лесах, где имеет возможность слиться со стволами деревьев.

Игоша — безрукий и безногий уродливый дух в виде младенца. Не имеет ни пола, ни истинной человеческой души, ни имени. По сути, это обреченный призрак, которого никак невозможно спасти. Единственное, что можно сделать, — признать его за домового, чтобы хоть как-то задобрить.

Кот-баюн — существо из славянской мифологии. Коты-баюны — странствующие коты. Некоторые способны своим пением усыплять мелких животных, а некоторые — и богатырей.

Летавиц — волшебный змей-упырь из славянской мифологии. Рождается летавиц из огня падающей звезды, потому и мерцает, как пламя. На своих жертв он не нападает, а медленно и долго соблазняет, так как приступить к поглощению может только после официально заключенного брака. Мистический брачный аферист.

Матоха — скверный дух из славянской мифологии, доставляющий хлопоты по дому и умеющий заставлять детей шалить. В русском фольклоре матоха — ис-

ключительно домашний бесплотный дух. А в мифологии западных славян матоха причисляется к существам лесным; к тому же она умеет превращаться в козла и любит подглядывать за ведьмами и колдунами.

Мотанка — безликая кукла из мешковины. Нередко использовалась ведьмами для перенесения проклятий или, наоборот, могла выступать в качестве защитника, как в сказке «Василиса Прекрасная».

Нечуй-ветер — волшебное растение из славянской мифологии, которое позволяет слепым управлять ветрами. Раз в год его сеют ведьмы на болотах, и, если слепой от рождения человек омоет глаза росой с волшебной травы, ему подчинятся ветры.

Полкан — в мифологии славян колдун-богатырь, который умеет принимать обличье разных животных. Иногда говорится, что Полкан — что-то вроде кентавра. Не могущественный колдун, а получеловек-получудь.

Полудница — злой дух из славянской мифологии. Согласно легендам, полудницы и полудники почти никогда не ходят поодиночке, а предпочитают сбиваться в стаи и прогонять с полей тех, кто вздумал работать в жаркий полдень.

Рарог — огненный домашний дух из славянской мифологии, который обитает в печи. Нечто вроде домового, оберегающего очажное тепло.

Тысячелетний корень — в азиатской мифологии считается, что растение приобретает бессмертную форму и способность обращаться в человека, достигнув тысячелетнего возраста.

Хорь — огромная волшебная рыба из русских сказок. Хорь может покидать озеро и бегать по траве, когда та покрыта росой.

Цыцоха — злобное существо славянского фольклора. Согласно легендам, это полужаба-полубаба, которая ворует детей, чтобы накормить их своим мертвым молоком. В некоторых легендах говорится, что цыцохами становятся матери-самоубийцы, но также существует предположение, что цыцохи — истинные детища водоемов, не имеющие человеческих корней.

Чугайстер — существо из карпатской мифологии. Безобразный лесной старик, который, впрочем, не представляет угрозы для людей, ведь рацион его составляют исключительно мавки. Говорят, что, если в карпатских лесах вам повстречается голый старик возле костра, над которым жарится, предположительно, человеческая нога, бояться не стоит. Вполне возможно, вам повстречался чугайстер, а не уголовник в розыске.

Шишига — хитрый, злобный дух, который прислуживает более могущественному водному духу. Этакий мистический подлиза.

Ячична — демоническая пряха из славянской мифологии. Обычно ячичны обитают в заброшенных избах и являются одними из самых неуязвимых существ, так как их внутренние органы расположены абсолютно хаотично, как спутанный клубок.

ПРОЛОГ

ДАВНЫМ-ДАВНО ПО ТУ СТОРОНУ Калинова моста, где золотом осыпалась пшеница, а сороки разносили сплетни о царицах и царях, жила светлокосая девица-полудница Лана. Не кем-нибудь, а дочерью самой степной и полевой Царицы она была. Все при ней: и стать, и зоркость, и ловкость, и буйный нрав, и сердце что пожар!

Плела венки, точила серпы, колдовала, сеяла и смеялась. Все ей нипочем! Все ей мило да любо! Никакой из смертных витязей не посмел бы бросить в ее сторону неучтивого взгляда, никакая болотная ведьма не отважилась бы наречь мотанку ее именем.

Однажды в предвечерний час перешагнула Лана границы родной степи и направилась к лесу, где никто ей кланяться не стал бы, где почитали листоногих старцев и призраков папоротника, где калиновы мосты возникали над смородиновыми реками из ниоткуда и исчезали в никуда.

Малахитом мерцали ели и клены, рябью чародейских глаз стелились цветы и ягоды под ногами. Но шла мимо лесных даров полудница: спешила к милым подружкам-хохотушкам — сладкоголосым русалкам, шутливым мавкам и умелым цыцохам. Хотела послушать, какие сплетни жабы и щуки из далеких стран принесли, хотела погадать на головастиках и украсить кудри вереском.

Но не оказалось на берегу подружек. Лишь журавель плескался средь лилий и рогоза да белая рубаха лежала на камнях.

«Русалки-баловницы! Видать, одна из сестер-хороводниц вкрай испеклась, решила остудиться — вот и скинула исподнее…» — подумала Лана, и загорелое лицо ее озарила хитрая улыбка.

Грелись изумрудные змейки в ласковых лучах зарева*, стрекотали глухари, пушили хвосты лисы, наливалась румянцем земляника. А полудница взяла одежду и спряталась в ветвях шиповника. Стала дожидаться, хихикать исподтишка, представляя лицо подружки, которая, не отыскав наряда, будет плести плащ из крапивы и вербейника. То-то среди чародейского народа болтать станут, то-то басен насочиняют.

Богат подлунный мир Лебяжьего края**: множество дивных народов его населяет — оборотни и оборотницы, чародеи и чародейки, водяные и земные. Ткут они в чародейских мастерских заклятья и проклятья, но не помогают они от тоски, что одолевает прочнее всякого недуга. Приедаются одни и те же бессмертные лица, осточертевают одни и те же имена.

Века сменяются один другим. Приходит господарь Лето, осыпает детей и подданных своих васильковыми лепестками, угощает голубикой, мятой веки натирает, чтоб благоухание ее приносило дивный сон. Государыня Осень богата и щедра, но щедрость ее туманом над болотами развеивается. А величавая

---

* Зарев — одно из старых названий августа. *(Здесь и далее примечания автора.)*

** Поэтическое название Руси в сказках.

Зима рукавами солнце закрывает, да так щекочет, так изводит, что даже милостивая, но трусливая красавица Весна на подольше свой визит на Ту и Эту стороны откладывает. Хоть и знает, как любят ее яблоневые рощи, хоть и помнит, как ласково приветствуют ее заболоченные луга, а все ж порой страшится с Зимушкой столкнуться.

Дивное удовольствие — пошелестеть в ночи, побултыхаться в волнах, судача о нравах и связях Великих ткачей года. Отчего Весна Зимы страшится? Ведь равны они чинами. Отчего Лето то заботливее родителя, то страшнее палача? И отчего, в конце концов, Осень беззубыми туманами пугает?

Но даже к дивному удовольствию привыкаешь и тоскуешь. На счастье чародейское, порой редкий царевич пересекает заговоренный мост, принося с собой в дар благословенную суету и щепотку сплетен. Но давно не похищали у них невест-кудесниц, и кольчужные девицы нынче запирали крепко ставни, вынуждая соколов, ястребов и воронов возвращаться к холостяцкой жизни. Когда нет ни сплетен новых, ни забав, чем русалка в травяном плаще не веселый анекдотец?

Предвкушала Лана благодарную хвалу в свою честь от скучающих дядек-мухоморов и тетушек-сорок. Приятный подарочек преподнесет им степная царевна!

Пока думала, пока мечтала полудница, зашумели речные волны, засуетились на берегу мошкара и лягушата. Послышались удивленные вздохи, озадаченные охи. Выглянула Лана потихоньку из убежища. Хотела бросить в причитающую подружку камешек, но обомлела — не поверила глазам.

Не русалка, не мавка и не цыцоха, а прекрасный, словно яблоневый цвет, незнакомец. Высокий и грациозный. Глаза его — точно два темных месяца, а длинные волосы напоминали колышущуюся на ветру листву плакучей ивы.

Многие дивные народы и народцы встречались Лане: старцы-лесовики с зелеными бородами и красавцы-летавцы с сияющими россыпью звезд кудрями; птицы с лицами девиц и болотные призраки, что мерцанием глаз заводят путников на угощение трясине; ломающиеся в три погибели жердяи и бесконечно путающиеся под ногами злыдни… Многие из них предлагали стать друзьями, а после врагами, но никогда прежде журавли-чародеи не посещали этот скромный лес. Перелетные волшебники предпочитали жить среди смертных, купаться в их обожании, а на прощание оставлять горсть удачи.

— Кто взял мою рубашку — отдай! — велел юноша, ворочаясь из стороны в сторону, ища бесчестного вора. — Что за напасть?.. Какие там слова были?.. Как там говорилось?.. Будь ты старой — буду тебе внуком? Кажется, так… Будь ты старой — буду тебе внуком! Если пожилая — буду племянником! Если молода — стану тебе мужем!

Сидит степная царевна за кустом, молчит, а у самой сердце жадно замирает.

Чародей сказал то же самое в другой раз — она рта не раскрыла. Только щеки побледнели, будто их изморозью тронуло. Этакую красоту в сундук бы — и под замок, чтоб другим неповадно было пялиться, а самой по праздникам любоваться!..

Незнакомец в третий раз повторил свои речи. Стало его отчаянье охватывать! Не сможет он

без рубашки в небо подняться, к отцу и братьям улететь!

— Неужели, — проговорил он, едва не плача, — умирать мне здесь голодом?.. Неужели обернуться ледяной статуей в объятиях зимы? Неужели…

Сердца полудниц горячи, как раскаленная земля. Они вспыхивают подобно букету сухоцветов: тяжело их потушить, тяжело их остудить. Так и сердце Ланы воспылало от голоса журавлиного, от таинственного взгляда, легких, мягких движений, мастерство которых для резвых полудниц оставалось непостижимым.

Вышла Лана из-за кустов, одежду великодушно протянула. Высоко подбородок держит — благородство у степных дев в крови.

Подождала, пока испуганный незнакомец оденется, и только после поинтересовалась:

— Какой каравай ты хочешь к свадьбе? Колобом или лепешкой? Украсить рисунком из маков или васильков? Говори, не прячь глаза. Я царевна степей и полей. Я позабочусь о том, чтоб у мужа моего было по десятку рубашек на один только полдень!

ГЛАВА 1

Мыльня Жабавы

ВДОВОЛЬ ПАРА, вдоволь березовых веников и студеного кваса было в мыльне* Жабавы Дагоновны. Бренчали ольховые гусли, гудели камышовые сопелки, сам собой подливался в опустелые кружки прохладительный напиток. Клубился пар, суетились то меж великанами-берендеями, то меж коротышками-лесавками услужливые банные трудяги, заговорщически скрываясь за папоротниковыми веерами. Меняли золотые орешки на самоцветы певчие белки.

Не сыскать по ту сторону Калинова моста места более веселого и хмельного. Ни под солнцем, ни под луной нет второй такой хозяйки, как душенька Жабава. Все рецепты, все сплетни знает; веники сама вяжет, травы колдовские собирает, музыкантов отбирает — самых умелых. Все для гостей, для их удобства. Но если чем-то насолить милостивой владелице — ничего, кроме десятка кругов на водной глади, больше не напомнит об обидчике.

Не сыскать места, где стираются границы меж могущественными и посредственными. Где не брезгуют многоголовые змеи чокаться пенными кружками с мелкорослыми боровичками; не стесняются делиться задушевными байками шишиги с юными виями, чьи веки и до колен пока не достают.

---

* Мыльня — одно из старых названий бани.

Пар скроет лица, вода смоет стыд, жар прогонит недопонимание. Рыжие, чернявые, русые или полностью седые, от мала до велика, щедрые и скупые — все стремятся посетить заведенье болотной барыни.

— С гуся — вода, а с летавца — худоба! — подливали воду на камни банники.

— С гуся — вода, а с бабая — худоба! — скребли змеиные спины обдерихи*.

— С гуся — вода, а с полкана — худоба! — усердней прочих размахивали вениками домовые, лесные, наземные, подземные духи на полставки и те невезучие смертные, что ненароком перешли один из мириад калиновых мостов и очутились в банном рабстве.

А меж тем летели последние из сплетен на крыльях сорок и синиц, зябликов и воробьев. Крайним слухом, что никак не желал оставлять умы и сердца лесных и степных, водяных и подземных, был о свадьбе во дворце полудня. Мол, из пышного праздника превратилась она едва ли не в поминки. Похитить суженого царевны — не плесневелую басню рассказать, не через плечо плюнуть. А похитить суженого порывистой Ланы, что отсекает руки тех, кто тянется к золотоносным посевам, — вершина неистовой нехватки жизнелюбия!

— Говорят, второго такого личика, как у муженька той самой Ланы, не сыскать ни под солнцем, ни под луной, — шептали банники.

— Заморский королевич, не иначе! — соглашались обдерихи. — Глаза — что чернильные нити, волосы — что сажа, стан — что ивовая ветвь! Такие в

---

* Обдериха — банный дух славянской мифологии. При желании способен снять кожу с незваного гостя.

наших краях не водятся! Среди речных лилий, должно быть, обитают.

— Сороки болтают, будто в землях, где лягушкам воздвигают золотые храмы, он не царь и не князек, а целый бог… — перешептывались невезучие смертные.

— Болтают много, смыслют — мало! — встряла в разговор распарившаяся рысь.

— Не говорите, чего не знаете, немытые бродяги, — посоветовал прекрасный змей, любуясь собственным отражением в запотевшем зеркале. — Уверен, что лицом он, женишок этот, репа вареная, а в голове у него кисель киселем и ни одной поэтической извилинки.

— Полевой царевне повезло! — добавили пестрые глухари, пересчитывая мокрые перья. — Говорят, женишок тот был не миловиднее подгнившей груши, не выше печерицы*, а стройность талии его в кабанятах измерялась!

— Видать, подслеповатый кур подвенечное чудище унес! — пошлепали по разгоряченным камням мышата-упырята. — Не разглядел как следует колдун чудной. Будут теперь глаза да когти суженого-ряженого в лесу мох кормить!

Гости перебивали работников, высказывая все более и более странные придумки. Те с особой прытью поливали, стегали вениками и окуривали паром, перемывая аспидам чешуйки, зверям — шерстинки, а полуднице и ее жениху — косточки. Не сказать чтобы кто-то из лесных и ветряных духов держал обиду на полудницу или ее непутевого женишка. Будь ка-

---

* Печерица — гриб, который больше известен под названием шампиньон.

кая-никакая, а хоть сколько любопытная сплетня о хромых чугайстерах, так с неменьшим удовольствием каждый хрящик бы извлекли, обмыли, а после обратно сложили посетители мыльни. Старый греховодник и смертных, и бессмертных пугает наготой в горах, но больше в нем ничего интересного и не отыскать, как ни приглядывайся.

И не было б печали, не было бы горя, лилось бы веселье через край до первых петухов, до ясного всполоха рассвета. Продолжили бы делиться сплетнями могущественные чародеи и мелкие чародейчики, но вдруг с яростным гулом распахнулись дверцы, позволяя благовонной дымке рассеяться у лесных корней.

На пороге банного притона показалась новая гостья. Замер в залитом свете проеме зловещий силуэт с всклокоченными волосами и мерцающими серпами.

Смолкли струны, попадали на пол сопелки, перестали чокаться змеи с боровичками. Обратили гости взоры в сторону вошедшей, не самым любезным тоном велели вернуть пар в избу да снять сапожки. А лучше — вообще провалиться сквозь землю. Слыханное ли дело: врываться без стука, распускать без совестных терзаний священный жар! За каждый его клубочек червонцами и самоцветами заплачено! За каждую капельку водицы, на камушки пролитой, по шапке-невидимке отдано!

Но промолчала лохматая невежда. Ловко отбила золотым серпом полетевшую в ее сторону кружку кваса и голосом, что более напоминал ветер над могильной степью, сказала:

— Жабава… Где Жабава?..

Утихли недовольные роптания, но ответ на смену им все не приходил.